

«Чтобы идти твердо, надо знать почву, по которой идем»

На вторую половину XIX века у нас в стране пришелся период бурного развития образования, науки и культуры. Именно тогда получили мировое признание сложившиеся в России научные школы в области математики, химии, биологии, физики, истории, философии, филологии, да и во многих других отраслях знаний.

Взлет российской науки не был случайным. По общему признанию, она завершила период ученичества у опередивших ее западноевропейцев и наконец-то пошла собственной дорогой, опираясь на собственный интеллектуальный потенциал.

По сию пору сохраняется мнение, что первоосновы российской науки заложили петровские преобразова-

ния, распахнувшие двери во вновь созданные научные и учебные учреждения иностранцам, преимущественно выходцам из Германии, которые и стали первыми учителями русских ученых.

Так ли это?

Нам представляется, что у российской науки более глубокие корни. В самом прямом смысле слова они далеко уходят в историческую почву нашего Отечества. Русские крестьяне внесли огромный вклад в искусство выживания в тяжелейших климатических и географических условиях на нашей родной земле. Они были подлинными творцами российской цивилизации, базировавшейся прежде всего на земледелии. Веками крестьяне

вели наблюдения за природными явлениями, учились обобщать их и передавать знания о земле потомкам. Сообща крестьяне не просто возделывали землю, выращивали урожай, но и отвоевывали у суровой природы новые места, пригодные для жизни человека, пристально их изучая и делая глубокие, чаще всего верные выводы о свойствах и возможностях земли. Если говорить современным научным языком, они применяли методы наблюдения, анализа, синтеза, отбора необходимых средств для эффективного труда, обобщения и пр. Накапливались агрономические, животноводческие, метеорологические знания и более обширные представления о закономерностях окружающей природы.

Разумеется, крестьян нельзя причислить к сообществу ученых. Однако именно они закладывали основы первоначальных знаний об окружающем человеке мире. И их многовековой опыт не пропал даром. Совершенство валось не только сельское хозяйство, но и сам человек. Приобретенные им качества наблюдательности, стремления выявить причинно-следственные связи в том или ином явлении природы накапливали познания в сферах применения труда земледельцев. Символично, что первым общепризнанным русским ученым стал М.В. Ломоносов – выходец из народной глубинки, символизирующий талант той социальной среды, из которой вышел.

Здесь есть над чем задуматься. Холмогорский мужик получил мировое признание гениального ученого. Его творческое наследие поражает значимостью открытий, совершенных в самых разных сферах познания.

Именно поэтому истоки российской науки следует во многом искать не на Западе, а на российской земле. Основу будущих научных успехов закладывал характер народа с его пытливым умом и трудолюбием. Огромную роль играли и такие черты русского человека, как умение стойко переносить жизненные испытания и преодолевать трудности, хранить верность своим традициям и святыням.

Если мы внимем в феномен Ломоносова и предшествующей ему цепочки самобытных и ярких дарований, то увидим, что явление это коренится в глубинах отечественной истории – в истоках Древнерусского государства. Тогда, на перекрестке истории самобытный русский дух встретился с наследием Византии и сохранившимися в нем зернами античного рационализма, который был и остается фундаментом научного мышления всех последующих эпох. Российская культура не просто впитала это наследие – она превратила его в составную часть глубинной народной культуры, заложив предпосылки для появления у нас

мыслителей возрожденческого типа. Да, их достижения носили спорадический характер, но в своей совокупности они сформировали интеллектуальный климат, чрезвычайно отзывчивый к идеям Просвещения и к научному способу мышления. Так возникла, если угодно, живительная почва русской культуры, давшая питательные соки первопроходцам русской науки, мыслившим и действовавшим в духе Нового времени.

Не случайно, что во второй половине XIX века многие ученые, в частности Н.И. Кареев (1850–1931 гг.), заговорили «о духе русской науки и ее отличиях от западноевропейской традиции». Сама постановка такого вопроса весьма показательна. Она свидетельствовала о том, что Россия креп-

ко встала на ноги в развитии творческих сил и ее лучшие умы стремились выявить их своеобразие.

Николай Иванович Кареев был видным русским ученым и общественным деятелем. Его перу принадлежит почти 400 работ по истории, социологии, философии, педагогике, социальной психологии. Дворянин по происхождению, Н.И. Кареев отстаивал идеи либерализма и активно участвовал в общественно-политической жизни

страны. От партии кадетов Николай Иванович избирался депутатом Государственной думы. Но прежде всего Кареев был ученым. Важное место в его творчестве занимало изучение национального своеобразия отечественной духовной культуры, традиций, верований, национального характера русского народа. Вслед за Ф.М. Достоевским и многими другими русскими мыслителями Николай Иванович считал, что духовная суть русского народа выражается в его необычайной восприимчивости, способности творчески использовать опыт других наций. Вместе с тем «дух русского народа» свободен от «крайностей национализма» и «отвлеченного космополитизма». Недаром Кареев остро критиковал таких крупных европейских мыслителей, как Гегель, Гизо, Бокль, за идеализацию национальных качеств своих народов.

Общепризнанно, что наука по природе интернациональна. Именно в познании мира складывается сотрудничество ученых разных стран и единство научного сообщества. Вместе с тем Н.И. Кареев полагал, что каждая нация имеет свои идеи, оригинальные и самобытные. На научном поприще так же, как и в культуре, искусстве, образовании, присутствует «национальный дух», который он трактовал как проявление исторической миссии народа, воплощающейся в его созидательной деятельности.

Н.И. Кареев, рассматривая проблемы развития российской науки, особое внимание уделяет гуманитарному знанию. Ученый полагал, что в естественных науках гораздо больше интернационального, чем в гуманитарных. Однако и в них присутствует национальное начало, ибо каждый ученый живет не только в мире науки, но и в обществе с его традициями, нравственными устоями, с особой атмосферой взаимоотношений между людьми, историческими, социальными и политическими особенностями. Все это накладывает свой отпечаток на личность ученого, его внутренний мир, мотивы, побуждения и цели научной работы.

По Карееву, «русский дух науки» не мистическое проявление национального, а совокупность конкретных факторов, влияющих на становление облика и характера ученого, его внутреннего мира. Это конкретная субстанция, формирующаяся историческими

Александр Федотович Киселев

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования. Генеральный директор издательства «Дрофа». Автор более двухсот пятидесяти научных трудов и учебных изданий, увидевших свет в России и зарубежных странах. Сфера научных интересов: новейшая история, философия истории.

традициями общества, особой культурой познания мира. В этом смысле прошлое в том или ином виде всегда присутствует в науке, которая представляет собой преемственную связь поколений людей, посвятивших жизнь научному творчеству. Причем успехи в познании мира и общества в значительной мере зависят от того, насколько ученый «пропитан» национальной жизнью и учитывает многовековой опыт своего народа.

Кареев убежден, что, познавая историческую судьбу народа, ученый имеет возможность проникнуть в глубинные пласты непознанного в той сфере реальной жизни, которая его окружает, что ведет к конкретности, к «трезвым» земным, а не заоблачно-мечтательным размышлениям и раздумьям. Необходимо действительно изучать и идти к истине путем, сообразным самой жизни народа, его религии, философии, морали и нравственности. Все это звенья, прочно связывающие ученого с миром и дающие ему возможность объективно исследовать его.

По Карееву, каждый народ смотрит на мир «односторонне», сообразно тем социальным и моральным устоям, которые характерны для него и являются результатом длительного исторического развития. Подобная «разность» во взглядах на суть бытия человечества помогает постигать истину в ее многогранности, неоднозначности, «не в последней инстанции», а в многообразии путей ее достижения.

Успехи науки зависят от того, какие она имеет социальные и морально-нравственные корни. Развитию русской науки мешали бесконечные споры о ее взаимоотношениях с Европой. Одни ученые искали идеал цивилизации на Западе. Другие, напротив, утверждали, что он кроется в историческом прошлом России, грубо искаженном петровскими нововведениями. В подобных дискуссиях многие ученые долго топтались на месте, воюя с ветряными мельницами и мифами, которые рождали сами или заимствовали на Западе.

Осознание учеными бесплодности «научных» баталий по проблеме «Россия — Запад» заставило их вниматель-

нее вглядываться в окружающую жизнь, отбрасывая мечты и иллюзии. Критическое отношение к собственной

стране, столь характерное для русских интеллигентов, сыграло и положительную роль — русские ученые оказались далеки «от мысли возводить современную действительность на пьедестал идеала, подобно старику Гегелю, который именно в Пруссии своего времени видел конец и венец всемирной истории». Российские западники и славянофилы, напротив, были свободны от «распространенной на Западе иллюзии идеализировать свою историю и современность». Отсутствие национального чванства и чувства собственного превосходства — характерная черта русского народа — переключали и в науку, дав тем самым возможность широко и объективно исследовать историю и современность человеческого общества. Для русской науки характерны отказ от идеализации тех или иных сторон истории и современности России и стремление уйти от лжепатриотизма.

Сказалось и то обстоятельство, что западная наука выросла на средневековой схоластике. Российские ученые подобного наследия не имели, поэтому были раскрепощены и сторонились схоластических догм.

Один из крупных философов XX века Г.П. Федотов был убежден, что моральный постулат ученого таков: «Он не должен знать, где истина, до самого конца своего исследования». Причем если западные философы стремились создать философскую сис-

тему, объясняющую развитие мира, выявить и разложить «по полочкам» закономерности развития человечества, то российская философия отличалась стремлением не к схематическим концепциям, а поиском путей к истине, или, как ее называл И. Ильин, «к очевидности».

Русские философы в своем большинстве не озадачивались проблемой оформления своих размышлений в строгие теоретические системы. «Своеобразие» русского типа мышления именно в том, что оно изначально основывается на интуиции, — писал философ С.Л. Франк. — Систематическое и понятийное в познании представляется ему хотя и не как нечто второстепенное, неравнозначное полной и жизненной истине. Глубочайшие и наиболее значительные идеи были высказаны в России не в систематических научных трудах, а в совершенно иных формах — литературных».

Н.И. Кареев видит и другие отличия западной науки от российской. Он подчеркивает, что западные ученые долго жили корпорациями, своеобразными «государствами в государстве». Закрытые в своем социуме ученые «нередко культивировали мертвую ученость на мертвом латинском языке». Здесь царил дух обособленности «посвященных в таинства знаний людей». Корпоративная замкнутость порождала социальную изолированность и занятия наукой ради науки.

В России в развитии науки значительную роль играло государство, которое ставило ученых в положение служащих, выполняющих свой долг перед страной. Отсюда русским ученым как своеобразному «служилому сословию» были свойственны гражданские чувства. Они, свободные от корпоративной замкнутости, не уходили от «мирской суеты», а, напротив, активно участвовали в общественной жизни, нередко оказывая на нее не просто значительное, но и определяющее влияние.

Настоящее место русского ученого, пишет Н.И. Кареев, «не в замкнутом кабинете, возникшем из монастырской кельи», а в центре жизни, что дает возможность объективно ее изучить. Формировалась «несловная интеллигенция», крепко связанная с обществом. Вместе с тем, не имея научных

предубеждений, считал Н.И. Кареев, российские ученые «более полно учитывали достижения мировой науки, внося в нее свой вклад как обобщенный результат российского научного творчества».

Николай Иванович делает вывод: «Наше историческое воспитание не позволяет нам коснуться на какой-нибудь одной стороне точки зрения: оно сделало нас особенно способными к усвоению чужих идей, приучило черпать идейный материал отовсюду, заставляет нас совершать синтез разнообразных точек зрения, а вместе с тем приводит к исканию более широкого понимания общественной роли науки, которое устраняло бы занятие наукой только из-за мимолетной злобы дня или ученого любопытства, ставя ему целями жизнь и знания».

Н.И. Кареев пишет о том, что русская наука научилась «обрусивать» знания, заимствованные на Западе. Причем Николай Иванович подчеркивает, что «обрусение науки» он понимает «в смысле ее развития, сообразного с нашим историческим воспитанием, менее всего позволяющим нам быть исключительными и односторонними, а не в смысле исключительной национализации, которая на Западе складывалась исторически, но теперь разрушается». Наука едина. Российским ученым не свойственно подчеркивать ее исключительно национальный характер.

Западные историки «эталон» истории считают историческое развитие европейских стран. Историей других народов они мало интересуются, а если обращаются к ней, то зачастую с заранее заданной целью показать, что магистральный путь развития человечества прокладывает именно Европа. Н.И. Кареев отмечает, что российские ученые далеки от подобных взглядов на историю своей страны. Чужды им и упрощенные выводы об истории как прямолинейном процессе развития. История Руси, а затем России переживала такие периоды, которые ставили страну на грань выживания. Вспомним о монгольском нашествии и «Смутном времени», а также о преобразованиях Петра, рвавших традиции Московской Руси ради укрепления обновляющейся Российской империи. История многомерна и включает в себя различные периоды, в том числе такие, которые отбрасывают народы и государства вспять.

Опираясь лишь на исторический опыт европейских стран, невозможно создать целостную научную концепцию развития человечества. У разных стран различные исторические судьбы, во многом несхожие с судьбой европейской. Ведь все историческое развитие Европы — лишь часть мировой истории, со своими особенностями и отличительными чертами, которые даже при скрупулезном изучении не дают оснований для выявления единых и фундаментальных закономерностей развития человеческого общества.

Популярная на Западе трактовка истории как поступательного движения по пути прогресса не имела в России многочисленных последователей. Так, выдающийся русский историк В.О. Ключевский писал в 1871 году: «Появление

государства вовсе не было прогрессом ни в общественном, ни в нравственном смысле... В смысле нравственном появление государства было полным падением». Российские философы и историки искали нравственные начала развития общества, обращая особое внимание на моральные стороны взаимоотношений между людьми. Они отстаивали духовную свободу человека как важнейшее условие становления и развития личности.

Во все времена для гуманитариев сверхзадачей является поиск закономерностей развития общества. В.О. Ключевский писал по этому поводу: «В истории человечества есть своя связь яв-

лений, свои неизменные законы, столь же чуждые уму и столь же мало подверженные его влиянию, как связь и законы явлений природы». Человеческий разум может воздействовать на мир, но не может изменить его законы. Дух человека, полагал Ключевский, находится в постоянной борьбе с природой и раскрыть эти противоречия, дабы люди не отгораживались от первоизданности, также относится к важнейшим научным задачам. Не отчуждение от природы, а тем более покорение ее являются задачами человека. Напротив, люди должны проникнуть в тайны мироздания с единственной целью: глубже познавать гармонию природы и сообразно ей достигать гармонии человеческого общества с природным естеством.

Одной из замечательных российских традиций стало формирование научных школ в университетах, когда профессора в буквальном смысле пестовали одаренных студентов, делали все необходимое для того, чтобы открыть им путь в большую науку. В этом отношении весьма показательна научно-педагогическая деятельность профессора Санкт-Петербургского университета Ивана Михайловича Гревса. Среди его учеников можно назвать таких широко известных ученых, как Г.П. Федотова, Н.П. Анциферова, В.В. Вейдле, С.С. Безобразова, Л.П. Карсавина, С.И. Штейна и многих других.

Иван Михайлович умел передать ученикам собственную увлеченность наукой, привить им вкус к исследовательскому труду, тягу к познанию и самосовершенствованию. Гревс горячо отстаивал идею преемственности культур, непрерывности духовной связи поколений, когда ни одна из культур минувших эпох не исчезает бесследно, а в том или ином виде продолжает жить в более поздних культурах. Он стремился найти в Средних веках такие ценности, которые, несмотря на исторические невзгоды, потрясения, разломы, продолжали оказывать творческое влияние на культуры новых времен. В каждой эпохе он искал индивидуальные черты и стремился раскрыть перед студентами не безликий исторический процесс, а наполнить его «образами человеческими». Каждая эпоха имеет свой аромат, свой «особый звук»... — учил И.М. Гревс. Но этот запах, этот цвет передать может только историк-ху-

дожник, тот, кто постигает глубину всех движений, кто слышит «дольней лозы прозябанье».

Иван Михайлович славился не только своими блестящими лекциями, но и беседами со студентами в неформальной обстановке вечером в уже опустевшем университете. Эти встречи были для его учеников незабываемыми. Маститый ученый делился с ними своими размышлениями по самым разнообразным научным темам и втягивал их в дискуссии, к выражению собственных взглядов на те или иные проблемы истории, литературы, искусства.

Вкладывать не только знания, но и душу в своих учеников — прочная традиция высшего образования в России, и ее невозможно отнести «к образовательным услугам», о которых с таким упорством говорят наши современные реформаторы. Сфера услуг — иная сфера, не имеющая отношения прежде всего к науке и образованию, где ученик и учитель сотрудничают, вместе ищут истину.

Но не следует противопоставлять российскую науку западноевропейской. Несправедливо забывать о заслугах тех европейских ученых, которые работали в XVIII—XIX веках в российских университетах. Начинаящие русские ученые во время стажировок получали фундаментальную подготовку в лучших университетах Европы, где плодотворно трудились в лабораториях, библиотеках и архивах. Так, видный русский философ Иван Ильин слушал лекции профессоров в университетах Берлина, Гейдельберга, Галле и других. Тесно общался с философом Гуссерлем, который оказал на него сильное влияние; многие идеи немецкого профессора Иван Александрович развивал в собственных трудах. Все это шло на благо российской науки, которая творчески распорядилась возможностями, предоставленными ей Западной Европой.

Октябрьская революция побудила десятки тысяч русских ученых по своей либо чужой воле покинуть Отечество. Против всех ожиданий и пророчеств «великое переселение» лучших русских умов в Центральную и Западную Европу, в Северную Америку не привело к угасанию творческих дарований, не превратило их в изгоев. Нет — они стали частью научных сообществ принявших их стран, но не раствори-

лись в них, а внесли в их деятельность самообытный вклад. Вспомним о таких корифеях, как Питирим Соколин, который стал одним из отцов современной социологии; Василий Леонтьев — великий экономист, лауреат Нобелевской премии; Илья Пригожин — создатель теории хаоса; Жорж Лошак — один из ведущих авторитетов в области физики микромира; Игорь Сикорский — конструктор вертолетов. А ведь это лишь некоторые громкие имена из множества других.

Столь массовый исход представителей мыслящей части общества, казалось бы, должен был подорвать научную жизнь в России, и без того придавленную тяжелым идеологическим прессом. Но, как ни удивительно, этого не произошло. Советский период при всей его противоречивости и неоднозначности стал самой великой эпохой в развитии русской науки. Впервые наша научная мысль стала соразмерна мировой. Прорывы были достигнуты буквально на

всех направлениях науки и техники. И что показательное: даже в административно-бюрократически организованных НИИ и КБ сохранились специфические российские черты — романтическое отношение к научному поиску, дух самопожертвования, крепкая спайка учителя и ученика. Быть ученым звучало гордо...

В 90-е годы XX столетия наше Отечество пережило вторую волну «великого переселения» ученых. По разным источникам, из страны уехали от 700 тысяч до 2 млн научных сотрудников. Как ни

странно, обе эти цифры правильны. Первая отражает число состоявшихся исследователей, а вторая — это те, кто был занят научным обслуживанием или только готовился к научной карьере. Эти ученые, как и эмигранты первой волны, в основном влились в научное сообщество принявших их стран. Их дарования и огромная энергия дали импульс тем новым явлениям и процессам социально-экономической жизни, которые в обобщенном виде получили наименование общества знаний. Очень много наших соотечественников плодотворно работают в секторе инноваций, не меньше — в наиболее авторитетных университетах по всему миру. Где бы, в каком бы крупном зарубежном научном центре либо университете сейчас не побываешь — встретишь не просто соотечественника, а знакомого, коллегу по работе или занятиям в аспирантуре. По-русски заговорили в научно-технических фирмах Силиконовой долины.

Ну а как же развивается наука в новой России? Мы убеждаемся, что наши ученые, несмотря на исключительные кадровые потери, энергично и заинтересованно откликнулись на первые же меры государства по их поддержке. Наша наука вновь стремительно становится творческой, массовой и инновационной. Она быстрее, чем способна воспринять экономика, откликается на ее только еще созревающие потребности. Уже зазвучали и имена молодых исследователей, быстро набирающих авторитет в своих областях знания. А это означает только одно: русский дух жив и будет дальше жить в нашей науке.

Говоря об особенностях русской науки, об изломах ее исторического пути, мы лишь подчеркиваем, что со своим прошлым порвать нельзя, ибо характер и судьба нашей страны определяются историей и упразднить их не могут ни революции, ни власти. И это следует постоянно иметь в виду, намечая новые рубежи развития. Система науки и образования тоже несет на себе печать исторической судьбы, характера своих народов и должна отвечать глубинным и сущностным потребностям нации. Не случайно еще в прошлом веке наш выдающийся историк Василий Осипович Ключевский настойчиво напоминал: «Чтобы идти твердо, надо знать почву, по которой идем».